

Куда нам девать эти вёрсты?
В окошко смотри да смотри:
Деревни, леса, погосты...
Три года скачи и скачи

(как сказано было) и не доедешь:
Империя так велика!
Где сядешь в неё – там и слезешь!
Для скорости разве пинка,

И то улетишь недалече.
Тогда уж садись в самолёт.
Но сказано: время – лечит,
Движение – наоборот.

Ибо к любому морю
Свой направляй экипаж –
Мысли, сомнения, горе
Тащишь с собой, как багаж!

Кочевников ойкумена
Не знала дилемм таких –
Судьба – это мест перемена
И растворение в них!

Наследие Чингисхана,
Куда нам девать тебя!

Что губка – любые страны
Впитает душа твоя!

Спокойно взирай на пространство –
Единственный, может, пример
Завидного постоянства,
И хищный буди глазомер!

* * *

Газетную ветошь из-под обоев
Глядит твой Советский Союз –
Глазами своих пионеров-героев,
Сединами набольших мурз.

Вся мебель на свалке, ободраны стены,
Хозяев свезли на погост...
Так пели когда-то: грядут перемены
Во весь свой гигантский рост.

По старой привычке заезженным ретро
Приёмник журчит в пустоту –
Давай «Рио-Риту» нам сбай, маэстро,
Станцую у всех на виду.

Мелькнёт каблучок над скрипучим паркетом,
В сиреневых ситцах весна –
Жизнь будет счастливой по всем приметам,
Всегда будет юной страна.

Состарится мама и вырастет дочка,
Сопьётся сосед-ветеран,
Журчит и журчит себе радиоточка,
Опять говорит Левитан.

Рекордные собраны вновь урожаи,
Проложен космический БАМ,
Товарищи кривичи и можаи
Читают уже по слогам.

Часовой

Судьба так страшна и безлика,
Как сонный бурят-часовой –
Кричи – и охрипнешь от крика,
Добудишься – еле живой.

Сто лет на заброшенном складе,
В голодной и голой степи,
Границы – полями в тетради –
Размыты и далеки.

Он спит и не чувствует даже,
Как муха в открытый рот
Ползёт, как лазутчик вражий,
На верную смерть ползёт.

А где-то проходят годы,
Столетия сменили счёт,
Дымят и бастуют заводы,
Страна по-другому живёт.

А он не стареет, не знает
Ни возраста, ни времён,
Вечность над ним зевает,
Бессмертье берёт в полон.

Такое бессмертье-забвенье
Настигнет, как нежить немой,
Тогда наберись терпенья,
И... топай, родимый, домой.

* * *

Ни с чем не хотел мириться,
Всё мерил меркой своей,
Потом перестал и злиться –
Спокойнее так и мудрей.

Смотри, как приходит осень,
Следи, как уходит зима, –
Никто ни с кого не спросит
Ни горя, ни прибыли от ума.

Чего в самом деле добьёшься –
Чтоб сладкою соль была?
Над глупостью посмеёшься,
А ей та печаль – мала.

Над жадностью покривишься,
А трусу руки не подашь –
Смотри – ты уже боишься
Попастся на карандаш

Лжецу, горлопану, писаке –
Прослыть фарисеем, ханжой.
Лишь пикни – и все собаки
Висят на тебе, дорогой.

Как допрежь окрест оглядишься:
Корысть раздувает меха.
Душой уязвлённой томишься,
А слышишь в ответ: ха-ха.

* * *

Болезнь равнодушной латынью
Не лучших сулит перемен:
Себя осознаешь с уныньем
Системой артерий и вен.

Не личностью с правом на выбор
Своей уникальной судьбы,
А пулей, под общий калибр
Подогнанной для стрельбы.

Ведь, в общем, на взгляд эскулапа,
Не много ты чем отличим
От прочих, попавших в лапы,
Ну разве ещё излечим.

В сплетении дельт и излучин
В тебе протекающих рек,
Какой сантиметр не изучен,
К чему приложить оберег?

Не верь сухопарой латыни,
Крепящей всему ярлыки –
Поверь лучше горькой полыни,
Поверь тишине у реки.

Надежд и отчаяний сумма –
Всегда ли душа на виду –
Последней сестрой Аввакума,
Затворницей в тайном скиту.